

Убергельд Стива Земного

Алексей Карташов
Александра Тайц

ФАНТАСТИКА

Нам разум дал стальные руки-крылья.

Павел Герман. Марш авиаторов

Рыба, взмахни руками.

М. Щербаков

— Доброе утро, Зульфия, свет очей моих.

— Джошуа, я предпочитаю, чтобы вы называли меня просто «Зульфия», — ответила электронная секретарша откуда-то с потолка и оскорбленно замолчала. Вечно она находит такое место для звука, чтобы максимально меня подавлять. Черт, еще вчера все было нормально, похоже, ночью было социальное обновление. Не настучала бы она в Службу воспитания, с нее станется, дура электрическая.

На столе тихонько пискнул визор: свет очей моих молча прислала мне сводку почты.

— Спасибо, Зульфия, — преувеличенно ласково объявил я в пространство. — Ты лучший на свете личный секретарь.

— Спасибо, Джошуа, — сухо ответила Зульфия. Все еще недовольна. Ладно, пройдет. Я надел визор и начал разгребать почту.

Сегодня мною все были недовольны. Заказчики из «Этиката» доводили до моего сведения, что результаты первого этапа проекта «Котоуши сан» — это неплохой старт, и что им бы хотелось видеть более релевантные тестовые данные. Нет бы так и написать: «Дерьмо это, Ланцман, а кот у тебя — дебил».

Из домоуправления писали, что, мол, что-то я давно не был во вверенном им спортзале, и по данным замка на входной двери я не выходил из дома в течение 34 часов 22 минут. Неужели я не знаю, что это очень вредно? Плохо, этак мне медицинскую страховку поднимут, не дай Стив... Электрическая компания журила меня за расточение электричества и грозила повышением тарифа. Тут я возмутился — откуда расточение? Я как работал, так и продолжаю.

Пару минут я тупо пялился в экран, пока не сообразил, что это письмо Джо Ланцману, Сиэтл, штат Вашингтон. Ну, понятно, он, наверное, марихуану выращивает под лампами. А прислали предупреждение мне. Почему у них такой бардак вечно?

Из спальни, утробно урча, выскочил Лукас и ринулся на кухню, задравши хвост. Это означало, что он мною тоже недоволен, поскольку всю ночь голодал. Вот и отлично, перерыв на завтрак. Хоть чьи-то ожидания оправдаю.

Из открытого окна кухни доносились гудение клаксонов и веселый шум. Там, очевидно, все были всем довольны, праздник же. По улице проезжали разукрашенные уберы в сопровождении еще более разукрашенных хипстеров на хOVERбордах и полуголых гендерных активистов на сегвеях. Трещали трещотки, бродячие проповедники

в традиционных черных водолазках и голубых джинсах выкрикивали что-то позитивно вдохновенное... Закрою-ка я окно.

Я стоял перед экраном айфиды и думал — заказать что-то готовое, что ли? Айфид у меня старый, позапрошлогодний, уже писали недоуменные письма — что ж это вы не обновляетесь? Так он ведь пока работает. Памяти у него не так много: пара петабайтов всего. Но несколько тысяч рецептов влезает. Можно и самому что-то изобрести — поводил пальцами по менюшкам, здесь добавил такой специи, здесь другой, это перемешал, какую-то часть зажарил посильнее... Мне бабушка рассказывала, как в детстве ей мама готовила. Примерно такая же морока.

В результате я выбрал стандартный английский завтрак. А что плохого? Сосиски, бобы, яичница, пара тостов, пара ломтиков бекона. Еще немножко карри добавил.

— А вы знаете, что в вашем возрасте врачи не рекомендуют?.. — язвительно осведомилась Зульфия, уже из айфиды.

Я молча нажал кнопку «Подтвердить заказ». (*Шла бы ты со своими советами.*)

Через минуту все было готово, тарелка выскользнула на стол, я уселся поудобнее и откусил здоровенный кусок горячей сосиски.

В этот-то момент и зазвонил телефон.

— Зульфия, я же завтракаю.

— Джошуа, вам звонят из Службы Воспитания.

Да, этих не отправишь на автоответчик.

— Да-да, конечно, соединяй. — Я лихорадочно дожевывал, застегнул верхнюю пуговицу рубашки, сложил физиономию в приветливое выражение и зачем-то протер рукавом кухонный скрин.

Инспектор на экране скорбно кивал, глядя куда-то вбок. Меня он не замечал. Вроде бы я уже однажды с ним беседовал. А может, и с другим, у них там на всех одно лицо: усталое и значительное.

Я кашлянул. Инспектор медленно повернул голову и хмыкнул. Начало разговора не сулило ничего хорошего.

Несколько секунд он смотрел сурово, затем вдруг будто сменил гнев на милость. Выражение лица смягчилось, и он произнес укоризненно:

— Ну как же вы так, господин Ланцман?

Не зная, что ответить, я изобразил на лице искреннее недоумение.

Инспектор провел пальцами около невидимого мне экрана по левую руку. Пошевелил губами. Потер переносицу. Покачал головой.

— Вы пропустили очередной курс повышения воспитанности.

— Но, инспектор... э-э-э...

— Джонсон.

— Инспектор Джонсон, я подавал просьбу на перенос курса.

— Так.

— И мне разрешили... Кажется.

— «Кажется», — саркастически усмехнулся инспектор. — Знаете, господин Ланцман, у меня складывается ощущение что вы... вы, может, неаккуратно проверяете почту?

У меня холодок пробежал по спине

— Инспектор Джонсон, ну что вы такое говорите. У меня просто было несколько тяжелых недель, выполняли срочный заказ. От федерального правительства, сами понимаете... на днях новый закон... я ведь в «Этикате» работаю...

Что-то чуть поменялось в лице инспектора. Он продолжал, уже мягче:

— Понимаю, господин Ланцман... Но и вы меня поймите, каждый на своем месте делает все, что от него... в общем, разрешения на отсрочку я вам дать не могу. Если б не сегодняшние ваши, — он пожевал губами, — недоразумения с вашим наемным работником, то еще бы куда ни шло. А так... Давайте-ка, батенька, вы выберете день на следующей неделе, и я вас запишу на тренинг по бесконтактным технологиям. И заодно пройдете четвертую ступень «Равноправного общения», а то вы, похоже, подзабыли...

Я надеюсь, он не прочитал ничего лишнего на моем лице.

— Да! Спасибо, инспектор. В среду у вас есть свободные места?

— Ну... для вас найдем. С девяти до пяти, как обычно.

— Да, замечательно, мне очень удобно! — Тут можно добавить энтузиазма. — Какие-нибудь предварительные материалы? (Чтоб тебе провалиться, гадина!)

— Нет, все будет вам сгружено после занятия. Успехов, господин Ланцман. И вы уж нас не подводите, ладно?

Я постарался выразить крайнюю степень раскаяния на лице.

Инспектор кивнул и растаял. И вот опять, казалось бы, мы все в глубине души атеисты, это не возбраняется, но я повернулся в красный угол, где со святого экрана смотрел на меня Джобс в черной водолазке, и искренне произнес с детства знакомое:

— «Стив наш небесный, постоянно имя твое. Дай нам вкусить от Небесного Яблока, и да будут руки наши пусты, и прости нас, как прощаем мы спамеров и спуферов. Ибо твои есть тьма и свет, единица и ноль. О'кей».

Я машинально доел холодную яичницу. Есть Стив Небесный и есть Стив Земной, крутил я в голове привычную ересь. Иди работай, Ланцман. Котоуши сами не рождаются.

Принтер довольно бодро исполнял скомпилированный билд. Я дождался конца печати, покрутил в руках свежеиспеченные котоуши. Вроде все работает, визор в норме, наушники тоже... Ну, поехали. Я достал с полки банку кошачьих конфет и пару раз ее потряхнул.

— Давай тестировать, работник, — сказал я материализовавшемуся под ногами Лукасу. — Вот тебе конфетка. — Я аккуратно надел на круглую кошачью башку котоуши и застегнул замочек под подбородком: — Вот какой хороший кот. На еще конфетку... Ну да, не видно ничего пока, погоди, я включу тебе птичек...

Я запустил обучающую программу. У меня на скрине и у Лукаса на визоре котоушей запорхали и защebetали птички.

Лукас от ужаса аж подпрыгнул. Черт! Это не птички,

это слоны какие-то. Я опять с размером где-то ошибся. Ну извини, пожалуйста! Все, все, снимаю я эту гадость.

Следующие полтора часа я занимался отладкой, а Лукас беспокойно смотрел на меня со шкафа. «Совсем человек у меня сбрендил. Может, заболел?» — читалось в его взгляде.

Обидно, что на мониторах-то этикат-программы работали идеально. Мы же их и делали под мониторы. А надо было политические новости читать. Хоть иногда. Тогда б мы знали, что законопроект об ограничении мониторов всех типов уже полгода как в работе: комиссия по правам детей добилась своего. Мол, а не дай Стив, увидит дитя на экране что-то непотребное, скажем, гамбургер из мяса, да еще с кока-колой, а то и сигарету. Или и того похуже, порнуха ведь из Сети никуда не делась... Поэтому производство мониторов решили постепенно прекратить. Сначала больших, потом и всех остальных.

А нам как быть? Ведь закон о перевоспитании домашних хищных млекопитающих приняли уж полгода как, и мы — основные подрядчики на программе! Заказ у нас ответственный: написать интерактивную компьютерную игру для котов. Начинается она как охота на птичек. Кот выбирает птичку, затаивается... и р-р-р-раз лапой по экрану! А птичка, вместо того чтобы улететь, частично превращается в котика. Скажем, становится полосатой, или ушки у нее появляются. Конгрессмены считали, что таким образом можно приучить котов к мысли, что птички — это не еда, а друзья.

Ну вот, потом котам стало нельзя смотреть телевизор, и мы спешно придумали котоуши. Времени до выпуска осталось — кот наплакал, коллеги и начальники нервничали, а Лукас котоуши, в общем, терпел, но компьютерные игры как таковые искренне презирал. То ли дело бумажка на веревочке. Или, скажем, напрыгнуть из-за угла. Не хотел он перевоспитываться. А мне в кошмарах еженощно являлись птички с полосатыми хвостами и клевали мою печень.

— Джошуа, вам звонит Гарри, и у него прекрасное настроение!

Ну, слава Стиву, кажется, моя электродура перестала дуться.

— Спасибо, Зульфия.

А Гарри и правда звучал весело. И рожа лоснилась, поди, уже выпил с утра.

— Док, у тебя какие планы на сегодня? Извини, что в последнюю минуту, но ты не хочешь сходить на Рыбацкий причал, там Убер-карнавал через час?

А и правда. Третий У-День, главный праздник года, народ гуляет, а я сижу как проклятый. Я посмотрел в правый угол экрана. Пробок особенных нет. Убер придет, если сразу заказать, через четыре с половиной минуты... поехать, что ли?

— Хорошо, давай там в Старбаксе встретимся, на втором этаже. Ты ведь раньше приедешь? Закажи мне Джава-чип фраппучино, со снятым молоком, на мой счет. И оставь чаевых двадцать процентов. Скажи, что на борьбу с подъемом уровня океана.

Разукрашенный электромобиль подкатил к подъезду бесшумно. Во всяком случае, за трещотками и клаксонами сопровождения его было не слышно. Хипстеры оттягивались напропалую: кроме этой карнавальной недели, не так много было возможностей самим поиграть на чем-нибудь.

— Дыжошыа?

Я плюхнулся на заднее сиденье, дверь прикрылась с приятным чмоком, и голос оператора вежливо уточнил:

— Рыбацкая причал, да?

Я кивнул. Смешное у них голосовое обновление. Праздничное, поди. В честь первых водителей убера. Интересно, сколько народу завтра подаст на них в суд за дискриминацию по национальному признаку.

— Пагаварыт хочиш?

— Спасибо, нет.

— Гм. Новости, музыку, сыпорт?

— Спасибо. Пожалуйста, скрипичный концерт Брамса.

— Ай, малацца, — одобрил оператор.

Еще бы не малацца, они уже три раза пытались меня подвергнуть этому концерту за последнюю неделю. «Нет, спасибо». «Да, я уверен». «Никакой специальной причины, просто не хочу». Ладно, у него все-таки праздник. Пускай порадуется.

Мы медленно карабкались вверх по склону вдоль трамвайной линии. Сегодня, стало быть, третий день. Значит, теоретически, наши высокие заказчики выходят на работу в пятницу. В пятницу они работать не будут, разумеется. Где-нибудь к следующему вторнику расчухаются. Тут мы им отправим описание проекта с красивой презентацией. Куплю Зульфии новый набор шрифтов и эти трехмерные заставки, про которые она мне все уши прожужжала. Она от восторга мне сразу слепит шедевр. Пока они будут его изучать, наступит день рождения Стива Небесного, а там и Новый год. В общем, весь месяц никто толком работать больше не будет. Я почувствовал угрызение совести — я же в этом году не заполнил список пожеланий к праздникам. *(Чтоб они все сдохли!)*

Что-то со мной не так. Я ведь отлично помню, что в детстве У-День был моим любимым праздником, я его весь год ждал! И совсем не из-за подарков, а потому что это же настоящее чудо, не выдуманное, а правда было! Когда наступал вечер первого дня, все садились за стол и гасили свет, в память о тех, кто сидел в темноте и холоде в День Большого Краха. Папа нараспев читал из Википедии:

«...И вот, проснулись они и видят, что ночью произошло ужасное бедствие, лежат в руинах все индексы, особенно АМЕКС. Иссяк бензин на бензоколонках, и остановились все автомобили, и потух свет в домах, и обрушился рынок ценных бумаг. И был стон и скрежет зубовой...»

Мама зажигала первую свечу.

«И было видение водителям уберов, и выехали они на улицы все как один, и каждый убер был заправлен бензином. И так восемь дней на одном баке развозили они пассажиров, и денег не брали».

В этот момент у меня всегда мурашки по спине бежали. И денег не брали! Чудо же! И сколько лет уже прошло, а они и теперь каждый год все восемь дней ездят по улицам, предлагают подбросить забесплатно, если кому надо, и отказываться просто неприлично.

Одна деталь легенды мне, впрочем, еще в детстве казалась неправдоподобной. Какие такие «водители»? Они что, двигали одновременно обеими руками и ногами, знали, где повернуть, где ехать побыстрее, где помедленнее? А если опасность? Тут и искусственный интеллект-то еле поспевает все рассчитывать. Просто прикиньте, сколько переменных параметров надо держать в голове, и каждый с первыми и вторыми производными! И мгновенно все решать! Так что с водителями они загнали, конечно.

ФАНТАСТИКА

Машина, вежливо лавируя между других, подъехала к Рыбацкому причалу.

Гарри сидел, как и обещал, на втором этаже древнего «Старбакса». Хорошее местечко он занял, с видом на мост и на залив. Расположился с комфортом: сандалии снял, положил на соседний стул, визор надел, раскрыл скрин, телефон, весь столик занял. Он еще в школе любил все делать основательно. Вот как таким эгоистам разрешают часами занимать полезную площадь? Специалисты мне как-то объясняли, что дело в том, что Старбакс делает бизнес не на собственно кофе, а на информационных потоках. Хорошее объяснение, но я не понял.

Кофе мне он заказать поленился, так что я обратился к аудиоблоку.

— У вас на нашем счету почти двести долларов, — прошептал аудиоблок хрипловатым женским голосом с какими-то новыми таинственно-эротическими интонациями, я их раньше не слышал. Я едва отбил от заманчивой идеи подписаться на абонемент «52 вкуса робусты» по цене 20 чашек. Гарри наблюдал за мной, еле сдерживая смех.

— Ну почему она считает, что лучше меня знает, что мне надо? — Этот риторический вопрос я уже задавал не раз. Сейчас, однако, Гарри неожиданно ответил:

— Могу рассказать, кофе только допей. — И стал сворачивать свои вещи. Скрин он просто скомкал и сунул в карман, а визор сложил аккуратно. Я ему сколько раз говорил — они ломаются от грубого обращения. Вроде переучил.

— Пойдем, прогуляемся, — деловито предложил Гарри. — У тебя ведь сегодня работы нет?

— Нет уж, хватит работать, У-день на дворе. А мы что, карнавал смотреть не будем?

— Да как-то... — замялся Гарри, — не хочу. Надоело, каждый год одно и то же. Давай на мост, дойдем до Сасуалито?

— На мосту приема нет, — засомневался я.

— Вот и отлично, — ответил Гарри. Что-то в его голосе меня насторожило.

Прием на мосту закрыли давно, после того как группа «Призрак Гая Фокса» (то ли обиженные подростки, то ли зловредные недоразвитые ИИ) стала транслировать вдоль пешеходной дорожки нейролингвистические программы на тему: «А слабо спрыгнуть»? От греха подальше так мост и оставили заблокированным.

Мы дошли уже чуть ли не до первой опоры, когда я наконец не выдержал:

— Ну что, шпион засланный, что ты мне хотел рассказать?

Гарри конспиративно оглянулся по сторонам. Народу было совсем немного, в основном бегуны с остекленевшим взглядом и свисающими из ушей подкастами.

— Джош, — спросил он, понизив голос, — ты знаешь Стива Небесного?

— Ты напился, что ли, по случаю праздничка?

— Разве что немножко. Не, Джош, ну серьезно: почему, собственно, «да будут руки наши пусты»? А?

О внимательный читатель! Я не знаю, может, вы с другого побережья, или, извините, из перелетных штатов, или вообще из другой страны, то есть человек темный. Но у нас, на Тихом океане, если человек что и знает, так это историю про Небесного Стива.

Стив родился где-то в середине прошлого века. Родители его отдали в другую семью, потому что так велел Бог. Его приемный отец был плотником и воспитывал его в этом ремесле.

Потом он проходил искушения. Сначала его отдали в колледж, но это он преодолел быстро — бросил через год. Потом было искушение марихуаной, потом ЛСД, потом он уехал в Индию набираться мудрости. А потом было главное искушение его жизни.

Стив встретился с другим Стивом. Есть несколько описаний жизни второго Стива, и они в некоторых местах подозрительно напоминают каноническую биографию Стива Небесного. Его тоже исключили из колледжа, тут он и встретился со Стивом Небесным. Они создали первый персональный компьютер и продали его за 666 долларов 66 центов. Многие официальные церкви считают, что это неспроста. Второй Стив, однако, вскоре покинул первого, Небесного, а тот в одиночку создал все — айпод, айпад, айфон, айфид, айкомм, айсинк, айдресс и так далее. После того как Небесный Стив прекратил свое земное существование, он переселился в надкус на Небесном Яблочке и теперь живет там, питаясь плотью Яблочка. Когда же он его съест до конца, он вернется к нам и будет судить нас, но уже на основе новых технологий. К слову сказать, Ном Хоменко, известный скандалист и эпатажник, старается убедить всех, что оба Стива — это один и тот же человек. Его аргументы не лишены логики.

Так и живем с тех пор. Моисею Бог дал десять заповедей. Стив, будучи скромным, обошелся одной: «Да будут руки наши пусты».

— Ах, ты в этом смысле... — Я успокоился и обрадовался. Мы с Гарри спорим всю жизнь, с первого класса школы. Первые годы — до драки. А когда мы оба выросли, внезапные яростные дискуссии о каком-нибудь высококолом предмете превратились в нашу любимую игру.

— Ну хорошо, — продолжал я. — Уважаемый оппонент, подозреваю, в курсе, что это не новый вопрос. Как только обезьяна встала на две ноги и освободила руки, последние оказались в фокусе пристального внимания человечества. Сразу возник вопрос: а что с этими свободными руками делать, как их использовать и, главное, зачем?

Обезьяны, существа не менее практичные, чем мы, их потянув, сразу обнаружили множество полезных применений. Руками можно было собрать еду не гораздо быстрее, чем зубами. Потом оказалось, что еду можно носить в руках, например, к месту вечерней трапезы. Потом один из наших предков взял в руки дубину и так далее. По Стиву, это было только переходным этапом. Собственно, это очевидно всем, кроме тебя, Гарри. Как это он говорил в Купертинской проповеди: «Не думаете же вы, что Господь, когда создавал Вселенную, делал это руками? Нет, он только указывал, куда идти Солнцу,

звездам, животным и растениям. А мы созданы по образу и подобию Божию и должны к этому стремиться».

Выполнять наши команды будут силы природы и машины, которые мы создали. Они будут лепить на ай-принтерах предметы, рассчитываться друг с другом, обмениваться, запасать энергию, синтезировать пищу и выпивку. Как это... произрастать хлеб из земли. А убивать годы на обучение ремеслу — это преступная растрата времени!

Гарри молчал, только кивал, и я заторопился закруглить:

— Даже если человек научится водить машину, или строить дома, или, например, варить кофе, он никогда не сможет это сделать идеально! Написано же: «Абсолютно очевидно, что самый ценный ресурс из всех в нашей жизни — это ВРЕМЯ*». Ты, надеюсь, знаешь, откуда это? Лучше не скажешь!

— Ты все верно понимаешь, — неожиданно мирно согласился Гарри. — Я не для спора спросил; просто хочу настроить на некоторый канал восприятия. Пошли дальше, нам еще до Саусалито идти и идти.

— Ты ведь в курсе, — продолжил он, когда мы взобрались на мост, я отдышался, и мы поймали ритм ходьбы, — что мейкеры у нас не поощряются.

— Зачем делать заведомо уродливые поделки? Или подвергать себя и других опасности аварии?

— При чем здесь авария! Ну, сделают они плохую табуретку или хреновую картину напишут — что плохого? Вреда ведь никакого. А многим во как хочется картину написать! Ну вот кот твой, он же бегаёт за бумажкой не за конфеты, а просто потому, что это кайф, удержаться невозможно! Инстинкт; он же охотник у тебя. Ну а они вот художники. Или плотники, или садовники.

Я вспомнил, как Лукас прячется на шкафу от котоушей, и затосковал. Можно подумать, у нас хоть что-то делать поощряется. Кроме как... не знаю. Хором песни петь на берегу океана, чтобы уровень не поднялся. Тут я спохватился:

— Погоди, а художники картины руками, что ли, пишут?

— Нет, кисточкой. Такая... с волосами на конце, знаешь? Нет? Темный ты. Кисточку, кстати, тоже надо сделать.

— Не понимаю.

Гарри стал как вкопанный посреди узкого тротуара и стал рассказывать, жестикулируя. Бегуны то и дело протискивались между нами и приятно улыбались — дескать, хороший сегодня денек!

— Смотри, Джош. Кисточку держат в руке. У нее есть деревянная ручка, удобная.

— Как у вилки?

— Нет, круглая такая. На конце у нее волосы, жесткие. Шерсть, точнее.

Я постарался представить себе вилку с круглой ручкой, поросшую на конце шерстью. Получалось плохо.

— Помнишь иконки в очень старых графических программах?

— А! Так это кисточка? Здорово, я не знал. Хм... Гарри, а зачем ты мне все это рассказываешь?

Мы уже дошли до второй опоры.

— А затем, — он повысил голос, и бегуны начали нас огигать по широкому радиусу, — что кисточку так просто не сделаешь! Надо ей ручку выточить, из дерева. Потом

* «Мои самые любимые вещи в жизни не стоят никаких денег. Совершенно ясно, что самое драгоценное, что у нас есть — это время». Стив Джобс.

достать шерсть. Потом тонкий металл, прикрепить одно к другому.

— И что? Возьми да синтезируй на ай-принтере.

— А ты пробовал синтезировать хоть что-нибудь не из каталога? — ответил Гарри вопросом на вопрос.

— Разумеется, пробовал, кто ж не пробовал в старшей школе. — Я почувствовал, как у меня загорелись щеки

— Ха, я эту историю не знаю — заинтересовался Гарри. — И что?

— Да ничего... драйвер почувствовал неладное, стал задавать корректирующие вопросы, в результате у нас с Милдред напечаталась электрическая взбивалка для яиц вместо... ну, понятного чего.

— Вот именно что! И она еще на тебя, поди, настучала в совет по борьбе с отклонениями. Я помню, как тебя в одиннадцатом классе вдруг стали таскать по тренингам, ты чуть из школы тогда не вылетел! — Гарри развеселился и продолжал: — Раз не напечатаешь, значит, надо достать дерево, потом еще шерсть. А защитники природы узнают — минимум неделю будешь перевоспитываться, сидеть, писать эссе «Как нам сберечь мохнатых и зеленых наших братьев».

Спорить здесь было не о чем, и мы некоторое время шли молча, и вдруг его прорвало:

— Это самое твое безрукое общество теперь больше всего беспокоится, как бы людям поменьше высовываться, чтобы углеродный след, не дай бог, не оставить. Нам важно, чтобы были стабильность и безопасность. У нас чудеса — и то про семиведерный бензобак и бесплатную поездку на такси! Ты знаешь... — Он резко остановился и обернулся ко мне: — Знаешь, что в середине прошлого века самолеты и машины были быстрее, чем сейчас? И что люди летали на Луну? На Луну! Ты понимаешь, что уже лет двадцать новых технологий не изобретают? И новых материалов. И вообще ничего принципиально нового! Даже лекарств новых не испытывают, потому что «а вдруг небезопасно»!

— Хорошо, так зачем все-таки ты мне это рассказываешь?

Гарри вспылил:

— Ты же сам спросил — сделают они табуретку или картину напишут, что плохого? Вот это и есть плохое.

— Что «это»?

— А то, — Гарри понизил голос, — что если люди начнут что-то делать своими руками и друг с другом торговать, то они выпадут из системы.

Я честно подумал.

— То есть они будут сами делать еду... шить одежду...

— Да, — подхватил Гарри, — и строить дома, и писать картины. И не надо будет ходить на курсы повышения воспитанности, вежливости, разнообразия, заботы о ближнем, охраны природы. Лозунги эти дурацкие учить. А главное — можно делать, что ты хочешь, а не то, что сегодня нужно обществу.

— Гарри, ну нельзя же быть эгоистом, если обществу что-то нужно, отчего не сделать?

— А оттого, — Гарри совсем разозлился, — что общество это мы с тобой и есть. Цифровая демократия: у каждого свое мнение, а дальше уже ИИ разбираются. Гениальное изобретение, кстати. Но со стороны выглядит, словно наверху сидит Великий Диктатор и всем нам вдалбливает одно и то же. И стыдит, если хочешь чего-то другого. Вот я хочу делать табуретки. Своими руками. И у друга покупать картины. Или яблоки. И вполне могу.

ФАНТАСТИКА

— Погоди, — понял я, — ничего не получится. Как тебе будут платить? Ты же выпадешь из системы. Да тебе и не дадут, кстати, сразу засекут.

Гарри вздохнул:

— Джош, там давным-давно никого нет, наверху! В том-то и дело, что никому в этой системе ни до кого нет дела. Выпал — и ладно. А мы все думаем, что за нами из унитаза следят и, если что, за задницу схватят.

— Хорошо, а что с платежами-то? Как эти люди будут с тобой рассчитываться? Ты же отключен от банковской сети.

Видно было, что Гарри колеблется. Он посмотрел направо, налево — никого рядом не было. Потом полез в карман старомодных джинсов, долго копался там, с усилием вытащил руку и протянул мне, раскрытой ладонью вверх.

— Во, гляди!

На ладони лежало несколько тусклых дисков, часть серые, часть красновато-оранжевые. Я разглядел какие-то изображения, вроде бы портреты стариков, цифры и буквы. Некоторые диски были как будто погнуты и слегка оплавлены.

— Что это такое?

— Это, — голос Гарри приобрел странную торжественность, — убергельд. Золото Убера.

— Ну, ты назвать можешь как угодно, а что это такое?

Гарри убрал кружки в карман, махнул рукой в сторону Саусалито, и мы тронулись. Пока мы дошли до конца моста, он рассказал мне всю легенду. Вот она, в очень коротком моем изложении, может, я что-то важное и забыл.

Когда Убер основал свою империю, ай-печати еще не было, и напечатать все, что хочешь, еще нельзя было, поэтому количество предметов было ограниченным, люди часто их накапливали и друг другу хвастались, мол, вот у меня сколько вещей! Люди даже расплачивались специальными предметами, они тоже назывались «деньги», как сейчас. Часть была из бумаги, а другая часть, более старая, из металлов. Металлические деньги назывались монетами.

Убер с детства был очень жадным, очень любил копить всякие вещи, а больше всего он любил деньги. Он долго думал, как бы их побольше получить, и придумал замечательную схему. Как-то он поехал в столицу России, Москву, и заметил, что «водители автомобилей» там часто подвозят других людей на машинах за деньги. И, что удивительно, все остаются довольны.

Вернувшись домой, на Тихий океан, Убер взялся за дело. Он нашел людей, у которых было свободное время и машины. И других, у которых времени совсем не было, и неохота было самим куда-то ехать, оставлять машину

за безумную плату на парковке, но зато у них было немало лишних денег.

Он нашел способ сводить первых со вторыми, и снова, как и в далекой Москве, все остались довольны. И Убер был доволен, поскольку водители часть денег отдавали ему.

В то время Стив Небесный уже придумал айфон, и все расчеты стали проводить через айфонные деньги. Убер же полагал цифры или даже бумажные купюры вещью эфемерной и решил свое быстро растущее богатство как следует защитить.

Он построил на первый заработанный миллиард далеко за заломом, в Беркли-Хиллз, огромное здание, Убербанк, окруженное ровом и крепостной стеной. Все деньги он переводил в монеты, и днем и ночью его работники таскали мешки и ссыпали монеты в бочки, а бочки закатывали в комнаты Убербанка.

И постепенно у него скопились почти все монеты, которыми пользовались тогда в Америке. Он стал выгребать остатки. Его люди шныряли по магазинам, договаривались с кассирами, с побирушками на улицах. Состояние Убера начало таять, он влез в долги, и наконец поток монет иссяк: Убер собрал все, которые были.

Казначейство спохватилось не сразу — тамошняя бюрократия долго передавала снизу вверх доклады, а сверху вниз указы. Но когда они приняли решение, оно было подобно грому. Использование монет прекращалось с первого января следующего года. Все цены округлялись до целого доллара. Оставшиеся на руках монеты не имели больше никакой ценности. А с первого июля отменялись все платежи наличными. Страна переходила на электронные расчеты.

Убер был разорен дотла. Он заперся в подвале, думал три дня, а потом начал свою последнюю операцию. Он заложил под здание Убербанка 40 миллионов фунтов тринитротолуола, подвел всю необходимую проводку, 31 декабря дал всем сотрудникам выходной день и в 12 ночи взорвал банк.

Он думал, что будет единственной жертвой, но неверно рассчитал силу взрыва. По странному совпадению, она оказалась равна силе атомной бомбы, разрушившей Хиросиму. Может быть, однако, Убер следовал некоторому символизму. Погибло много людей в соседних городках.

Кратер с тех пор засадили деревьями, штат оправился от травмы, а монеты разлетелись по обширной территории. Никто их тогда не собирал, и они постепенно заросли сухой и желтой калифорнийской травой.

— Так вот, — Гарри пихнул меня в бок, потому что я слишком глубоко погрузился в образ взлетающих вверх миллиардов монет, — это и есть убергельд. И есть люди, которые годами собирают его. Ты небось видел людей с граблями в парках?

Я, конечно, видел. Но мало ли у нас чудиков? Ну, любят они что-то делать руками. Кто-то ходит по пляжам с металлоискателями, кто-то в болотных сапогах копает моллюсков. Есть люди, которые собирают грибы и потом едят. Их даже не трогают.

— Ну вот... что накопили, тем мы и расплачиваемся. — Гарри слегка устал, энтузиазм его убавился.

— «Вы»?

Гарри присел на ограду пешеходной дорожки. Мы были уже на окраине Саусалито.

— Да. Ты ведь мой новый адрес знаешь?

— Где-то записан.

— Запиши на бумажке, он скоро пропадет. Да ты ж не умеешь, откуда тебе! Давай я.

Гарри встал, лицо у него было какое-то очень усталое. Но даже не знаю, как определить: счастливое, наверное. Давно я этого слова не употреблял.

— Джош, видишь голубой домик под двумя пальмами?

— Вижу.

— Там живет моя девушка, Линн. А скамейку видишь? Это я сам сделал!

Он почесал нос, вздохнул:

— Если меня потеряешь, спроси у нее, где я. Я ей про тебя рассказал. Все, я пошел. Прости, устал я что-то.

Он удалился шагов на десять, потом хлопнул себя по лбу, бегом вернулся. Залез в карман и сунул мне в руку монетку.

— Ты извини, у меня убергельда очень мало, я совсем начинающий мейкер. Это неправильная монета. Она из чужой страны, у нас такие не ходят... Ну, как сувенир. — Потом наклонился к моему уху: — А Стив земной жив. Я вас познакомлю, если захочешь. Отличный мужик. Будь здоров, Джош, не пропадай! — Отвернулся и зашагал прочь.

— И ты будь здоров, Гарри, — только и мог сказать я.

Монетка была небольшая. На аверсе красовалась женщина в короне, Елизавета II, как я узнал из Гугла. А на реверсе был кленовый листочек. И надпись шла по кругу — Canada.

До сих пор я думал, что «Канада» — это название выдуманной страны из романа-утопии «Поезд на Саскачеван», мы его в школе проходили. Я из романа помнил только то, что канадцы там поголовно кололи дрова, копали снег и были ужасно вежливые, любой разговор начинали словами: «Извините, если я вам помешаю».

Оказывается, она и вправду была когда-то, эта страна! И вежливый канадский художник нарисовал эскиз этой монеты, а вежливый рабочий ее отчеканил. И я держу теперь в руках твердый и почти вечный предмет, доказательство того, что все это и впрямь было. Убергельд. Надо же...

А, да это наш замечательный экспериментальный кот? Поиграем, обязательно. Нет, погоди, эту бумажку ты уже убил. Давай-ка мы с тобой сделаем кое-что получше...

Я побегал по дому и нашел карандаш, нарезал маникюрными ножницами полосок из цветной тряпочки, аккуратно обмотал их вокруг конца карандаша и привязал толстой ниткой.

— Смотри, это кисточка. Похоже на птичку, скажи? Ну или на рыбку. Ага! Так ее, так! Куси ее, Лукас, а то чего она!

Лукас ушел спать, унося в зубах мою растерзанную кисточку. Давно я не видел его таким счастливым.

Вот, первый предмет я сделал. Покажу мейкерам — неудобно же с пустыми руками к ним приходиться. А потом пойдем и до межпланетных ракет.

